
В. Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ

ЧТО ОЖИДАЕТ СТРАНЫ МИРА В XXI ВЕКЕ

Автор прослеживает сценарии развития в текущем веке по странам и регионам, анализируя книгу двух известных ученых – А. В. Акимова и А. И. Яковлева «Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития» (М.: Изд-во МГУ, 2012. – 247 с.).

Ключевые слова: *вариативность, развитие, цивилизации, демография, долгосрочный прогноз, ресурсная база, топливно-энергетические и продовольственные ресурсы, модернизация, симбиоз, современность, традиции, глобализация, Восток, Россия.*

Эта книга принадлежит к числу наиболее интересных отечественных изданий, посвященных перспективам и проблемам развития мира в нынешнем столетии. Авторы органично сочетают собственные наработки и теоретические предпочтения с учетом иных точек зрения на проблематику, крайне актуальную и широко востребованную не только специалистами-международниками, как сказано в аннотации, но и экономистами, социологами, политологами, философами и культурологами, а также широким кругом читателей. Речь идет прежде всего о студенческой аудитории, и именно к ней обращаются авторы, совмещающие интенсивную научную работу в Институте востоковедения РАН с преподаванием в МГУ им. М. В. Ломоносова, Институте стран Востока, Высшей школе экономики и Православном Свято-Тихоновском госуниверситете.

А. В. Акимов и А. И. Яковлев давно известны как ведущие профессионалы в смежных областях социально-гуманитарного знания. Первый – экономист и демограф, автор оригинальной методики долгосрочных демографических прогнозов; второй – историк-арабист, специалист по истории и сравнительному изучению модернизации и реформ в странах Запада, Востока и в России. Данное издание занимает место в одном ряду с основными предшествующими работами, развивает и углубляет их прежний анализ и обобщения.

Историческая психология и социология истории 1/2013 134–146

Во введении к монографии, где говорится об актуальности изучения цивилизаций, сложившихся в наше время, привлекает внимание тезис о скачкообразном росте материального уровня и качества жизни огромного количества людей и значительной степени сходства большинства стран мира по социально-экономическим показателям (с. 5). Этот тезис рефреном проходит через всю книгу, определяя ее достаточно мажорную общую тональность.

Кроме того, выделяется коренной вопрос о целях развития, соотношении сугубо экономических (прибыль), культурных и духовных факторов, а также тема прогнозирования, позволяющего предвидеть последствия текущих процессов и основных тенденций развития человеческого общества (с. 6).

В первой главе мировое развитие анализируется с использованием цивилизационного, ресурсного и сценарного подходов. Особый интерес представляет первый из указанных методов. В обзоре литературы, посвященной роли цивилизаций в истории, отмечается их сближение по мере становления капитализма. Вместе с тем различия между цивилизациями сохраняются, и именно их сосуществование служит основным предметом анализа. Стоит процитировать определение цивилизации, приведенное в книге: «Стабильная этнодемографическая и социально-культурная общность, населяющая определенную территорию и обладающая в течение многих веков явно выраженными духовными (религиозными и моральными) идеалами и ценностями, непреходящими во времени основами бытовой и художественной культуры, особым мировосприятием и нормами поведения» (с. 18–19). Задаваясь целью определить единое основание-признак, на котором зиждется цивилизация, авторы остановились на религии как ее «метке», хотя и указали на различие между ролью таких религий, как ислам и буддизм (абсолютное мировоззренческое значение первой и относительное – второй). Приняв за критерий религиозное (а также культурное и региональное, заметим от себя) начало, авторы выделили ставший почти «классическим» после работ С. Хантингтона набор из восьми цивилизаций – европейской (Европа, США и др.), православной (Россия и др.), китайской, японской, индийской, исламской, африканской и латиноамериканской. Израиль, Корея, немусульманские страны ЮВА, страны Океании не вошли в состав цивилизаций, тогда как китайская, японская и индийская представлены каждая одним государством (с. 24–25).

Помимо цивилизационного подхода в книге обсуждаются особенности прогнозного анализа с помощью ресурсных ограничителей экономического роста и сценариев будущего развития. Хотя сам по себе этот материал носит скорее ознакомительный, учебный характер, он дает возможность во второй и третьей главах эффективно использовать оба инструментария для прогнозирования.

Вторая глава посвящена росту населения и потребностей в ресурсах в XXI веке. Сначала рассмотрены общемировые тенденции демографического развития, а затем рост по цивилизациям. Прогноз сделан на основе методики А. В. Акимова и включает четыре сценария – максимальный и минимальный, которые задают верхнюю и нижнюю границу возможного, средний между ними и реальный с коррективами в отношении темпов роста населения в Южной Азии – слишком больших по среднему варианту из-за экологических ограничений. Некоторые существенные с демографической точки зрения прогнозные оценки выходят за рамки XXI столетия. Если ограничиться расчетами в его рамках, то по минимальному сценарию в 2050 году население планеты составит 8,8 млрд. человек, а по среднему и реальному – на 1–2 млрд. больше; при этом по реальному сценарию к концу века оно превысит 11 млрд. человек (с. 44).

Существенными представляются комментарии автора методики по поводу различий между его сценарными прогнозами и прогнозами ООН, сделанными до 2300 года. Последние ориентируются на тенденцию к стабилизации населения, в то время как приводимый в книге расчет более учитывает динамику с ускоренным ростом, достижением пика, а затем неуклонным спадом (с. 48).

Реальный прогноз предполагает значительный, почти двукратный, рост населения в течение XXI века, что серьезно увеличит демографическую нагрузку на планету. При этом он имеет место в условиях неуклонно снижающихся темпов прироста всего мирового населения и достигается за счет не всех, а лишь ряда крупных регионов и цивилизаций. Так, если ныне на долю Европы, Северной Америки и Океании приходится примерно 17 % населения, а на Азию и Африку – 74 % (разрыв в 4,3 раза), то по среднему сценарию уже в 2050 году соотношение меняется на 11 и 81 %, а к 2110 году – 8,5 и 85 % (десятикратный разрыв). Два главных региона ускоренного роста численности и доли населения по всем сценариям – Южная Азия (Индия, Пакистан, Бангладеш) и Африка к югу от Сахары (самая крупная страна – Нигерия) (с. 45–47).

Переходя от общих и региональных прогнозов к прогнозам роста по цивилизациям, авторы отмечают огромный потенциал абсолютного и относительного роста индийской, исламской и африканской цивилизаций. Их прирост за 2005–2100 годы по реальному сценарию составляет соответственно 642, 2157 и 3119 млн. человек. Китайская цивилизация растет медленно, увеличившись на 213 млн. Число жителей в Латинской Америке должно вырасти на 348 млн. человек. Население трех цивилизаций сокращается – японской на 31 млн., европейской – на 12 млн., православной – на 58 млн. человек. Численность жителей в России сократится со 143 до 112 млн.

Все эти, на наш взгляд, довольно правдоподобные прогнозы сопровождаются указаниями на причины и факторы различных темпов роста по цивилизациям, обсуждением известных феноменов административного регулирования рождаемости (Китай) и успешного перехода к низкой рождаемости в условиях исламской цивилизации (Иран). Вестернизация, как отмечается в книге, распространяет западные стандарты на незападные культуры, но они воспринимаются там как инструментальная часть современности, а не принципиальные цивилизационные различия (с. 69–70).

По утверждению авторов, демографический переход, т. е. низкая рождаемость и низкая смертность, став неизбежным и в перспективе универсальным явлением, приводит к повышению продолжительности жизни больших масс людей и увеличивает долю пожилых в составе населения. Старение имеет целый ряд отрицательных экономических и социальных последствий, которые затронут как те цивилизации, где давно произошел демографический переход, так и новую для этого процесса китайскую цивилизацию, а в той или иной мере – все другие. Вырастет число иждивенцев не только детского, но и старческого возраста.

Заканчивая обзор долгосрочных демографических перспектив, Акимов и Яковлев делают несколько заслуживающих внимания выводов. Догоняющее развитие как сторона глобализации приводит к тому, что качественные показатели населения мира сближаются, и в этих условиях его численность может играть роль фактора, обеспечивающего преимущества в экономической жизни. Вместе с тем процесс сближения носит во многих случаях не абсолютный, а относительный характер, распространяясь далеко не на все население. В развивающихся странах такое развитие оставляет громадные и растущие массы людей голодными и нищими. Но это

не исключает того, что та страна, где больше численность населения, может стать лидером в трудоемких отраслях экономики, включая и наукоемкие (с. 70).

Большой интерес представляют разделы второй главы, посвященные ресурсным ограничителям экономического роста в XXI столетии – энергетике и продовольствию. Прогнозная оценка потребности в ТЭР (топливно-энергетических ресурсах) построена на росте численности населения и изменении нормативов потребления по мере социально-экономического развития. На основании собственных расчетов нормативов и их изменений авторы предлагают сводные данные и сравнивают потребности в ТЭР по цивилизациям в 2005 и 2100 годах по реальному и среднему сценариям демографического прогноза. Среднегодовые темпы прироста потребностей оказались равными 1,33 и 1,26 %, что в целом ниже сложившихся в последние годы. Это позволило сделать оптимистический вывод о том, что «ускорение социально-экономического развития, которое должен обеспечить рассчитанный рост потребления ТЭР, может быть оплачено не беспрецедентно высокой ценой» (с. 84).

Одна из проблем в мировой энергетике связана с неоднородностью распределения геологических запасов природного газа и нефти по цивилизациям, а также с возможностью их исчерпания и поисками альтернативных возобновимых источников энергии. Попытки заменить их возобновимыми создают различные коллизии. Например, использование отдельных видов сельхозпродукции в качестве биоэтанола и биодизельного топлива сокращает пахотные земли под продовольственными культурами (с. 89).

Говоря о принципиальной возможности ускоренного, догоняющего развития, Акимов и Яковлев анализируют многочисленные проблемы на этом пути и, помимо энергетической, закономерно выделяют продовольственную ситуацию. Сегодня принято различать традиционное и современное сельское хозяйство. Опираясь на работы В. Г. Растяникова и И. В. Дерюгиной, авторы делают вывод об углубляющемся кризисе в рамках первого вида, подчеркивая, что другой вид – высокотехнологичное, капиталоемкое и наукоемкое аграрное производство (АПК) – в основном фактически и «кормит человечество». Глобализация выступает как механизм решения продовольственной проблемы, но чтобы он был и в дальнейшем достаточно эффективным, требуется высокая степень меж-

дународного, в том числе межцивилизационного, взаимодействия (с. 90–92, 111).

Глава содержит поучительный прогноз обеспеченности цивилизаций сельскохозяйственными землями и пресной водой. Оба этих фактора являются критическими для сельского хозяйства. Прогноз на весь XXI век наглядно демонстрирует ухудшающиеся показатели наличия пахотной земли на душу населения по реальному сценарию для таких цивилизаций, как исламская, индийская и китайская, где они и в начале века крайне неблагоприятны. Значительными ресурсами земли обладает африканская цивилизация, но к концу столетия они будут в значительной степени израсходованы – их наличие приблизится к уровням исламской, индийской и японской цивилизаций, хотя и не достигнет их. Наиболее благоприятная ситуация в этой области складывается для православной цивилизации, где показатели улучшаются, и европейской, где они остаются стабильными. Несколько ухудшаются (после самого высокого в начале века соотношения «земля/люди») латиноамериканские показатели, оставаясь выше европейских (с. 101).

Аналогичный прогноз обеспеченности водными ресурсами наименее благоприятен для все тех же индийской, китайской и исламской цивилизаций. Несколько улучшается ситуация у японской цивилизации. Зато заметно ухудшается она в Африке к югу от Сахары, достигая к концу века показателей самых неблагополучных цивилизаций. Стабильно благоприятный прогноз вытекает из данных по европейской, улучшающиеся – по православной цивилизации и несколько ухудшающиеся – по Латинской Америке (с. 103).

Исходя из неравномерности демографического роста и различий в обеспеченности продовольственных факторов по цивилизациям, авторы заключают, что проблема обеспечения продовольствия встанет в XXI веке очень остро. Долговременная тенденция к исчерпанию природных ресурсов для ведения сельского хозяйства традиционного вида повышает риск обострения ситуации при неблагоприятных конъюнктурных, прежде всего погодно-климатических, условиях (с. 102, 111). К принципиально важным, хотя и ожидаемым, выводам в отношении ключевых природных факторов не только сельскохозяйственного, но и индустриального развития (минеральное топливо) нужно отнести указание на то, что обеспечение прогрессирующего в целом и догоняющего развития будет возможно лишь при существенном технологическом про-

грессе. При этом глобальная естественная убыль населения может стать дополнительным позитивным фактором (с. 111).

Тема третьей главы – короткой, но очень емкой и, пожалуй, самой новаторской – взаимодействие цивилизаций в условиях глобализации в XXI веке. Отметив перемены в мировой системе к началу третьего тысячелетия, авторы предложили набор сценариев возможного развития цивилизаций и их взаимодействия. Базируются они на интерпретации современного опыта и тенденций, выявленных проведенным анализом. Для каждой цивилизации намечен свой спектр возможностей, порой прямо противоположных. Варианты имеют названия, говорящие чаще всего сами за себя. Сценарии известны по предыдущим работам одного из соавторов, но здесь они представляются более разработанными и убедительными.

Сочетание сценариев мирового развития и эволюции цивилизаций сведено в удобную таблицу (с. 153). Четыре сценария развития мира на перспективу всего текущего столетия названы «Конвергенция цивилизаций», «Запад сохраняет лидерство», «Лидерство переходит на Восток и Юг», «Борьба за ресурсы». Первый сценарий – самый оптимистический и, возможно, идеалистический. В ходе его реализации народы, принадлежащие к различным цивилизациям, сближаются настолько, что исчезает антагонизм между носителями различных религиозно-культурных традиций и систем ценностей. Это приводит к возникновению новой мировой общности «просто людей», признанию равноправия всех наций и отсутствию открытого конфликта между ними. При этом авторы учитывают «естественную иерархичность» мировой политической системы, соперничество за ресурсы, но полагают, что конфликты и проблемы будут решаться путем консенсуса. Впрочем, такой сценарий намечает лишь желательный тренд, и для его осуществления потребуются целенаправленные усилия, «так как неочевидно, что такая система сложится сама по себе» (с. 150–151).

Второй сценарий предполагает сохранение современного положения дел в течение всего XXI века. Он возможен лишь в случае преодоления Западом (ЕС, США и Японией) нынешних проблем экономического развития и разрешения кризисных ситуаций с ресурсами, экологией и демографией. По третьему сценарию ведущими в процессе развития мира становятся Китай и Индия. Относительное ослабление Запада не умаляет при этом его роли и значения.

Согласно четвертому сценарию не удастся сохранить баланс между растущими потребностями людей и убывающими природными ресурсами. Это приводит к длительному и затяжному хаосу мировой системы. Выход из него может обеспечить либо появление абсолютного лидера, силой навязывающего основы нового миропорядка на базе своих ценностей, либо солидарная политика ведущих стран, изменяющих цели мирового развития, с тем чтобы они увязывались с природно-ресурсными возможностями (с. 153–154).

Четырем сценариям мирового социально-экономического развития соответствуют группы сценариев развития и взаимодействия цивилизаций. В ряде случаев в монографии даются варианты эволюции как цивилизаций, так и отдельных стран в их рамках. Так, для восточноевропейской цивилизации, в частности России, не исключен сценарий «Угасание и распад», для Японии – вариант «Закисание», а также «Младший партнер Китая». У китайской цивилизации выбор из четырех вариантов: «Конвергенция цивилизаций», «Борьба за лидерство в мире», «Быстрое старение населения и угасание по японскому образцу», «Экологическая катастрофа». Индийскую цивилизацию могут ждать, помимо общей для всех «Конвергенции», сценарии «Эколого-демографическая катастрофа» и «Успешное догоняющее развитие и борьба за лидерство в мире». В отношении исламской цивилизации нет общего сценария. Варианты для арабских стран-нефтеэкспортеров (помимо «Конвергенции») – «Энергетика навсегда» и «Возвращение в пустыню». Для арабских государств, не являющихся экспортерами нефти, возможны варианты «Средиземноморская интеграция» и «Арабская улица» (восстание городских масс). Турция, Малайзия, Иран, Индонезия могут развиваться по сценарию «Исламские тигры», а Пакистан, Афганистан, Бангладеш – по варианту «Прозрабание». Для африканской цивилизации возможны сценарии «Неудача догоняющего развития», «Догоняющее развитие с разновекторной ориентацией» и «Догоняющее развитие и партнерство с латиноамериканской цивилизацией», а для последней выделяются два варианта: «Догоняющее развитие и встраивание в европейскую цивилизацию» и «Догоняющее развитие и борьба за влияние на африканскую цивилизацию». Сценарии для западноевропейской (включая США, Канаду, Австралию и т. п.) и восточноевропейской цивилизаций исключают момент их геополитического соперничества, и они рассматриваются как родственные. Для них (особенно

для ЕС) в рамках мирового сценария «Запад сохраняет свое лидерство» возможны сценарии «Торжество технологий», «Торжество рантье», «Злые соседи» (мусульмане в Европе) и ее крайний вариант «Варфоломеевская ночь» (насильственные действия европейского большинства против мусульманского меньшинства), а в варианте «Лидерство переходит на Восток и Юг» вероятны сценарии «Европа – русская деревня» (обезлюдение и деградация) и «Человек западный – исчезающий вид». Четвертому сценарию мирового развития «Борьба за ресурсы» соответствуют неблагоприятные варианты эволюции китайской, индийской, арабо-мусульманской и африканской цивилизаций (с. 118–148).

При всех условностях и ограничениях такого рода проекций на будущее выделенные в книге сценарии внутренне достаточно непротиворечивы и логично увязаны между собой. Они, на наш взгляд, могут быть положены в основу мониторинга и оценки ситуации в социально-экономической и политической сферах отдельных стран и цивилизаций (групп государств).

Четвертая и пятая главы монографии посвящены несколько иным вопросам, хотя и тесно связанным с рассмотренными ранее. Речь идет о реформе и модернизации как инструментах управления развитием. Не оставляя без внимания цивилизационные особенности, авторы переносят акцент на переход обществ, принадлежащих разным цивилизациям, от одного состояния к другому. Поскольку анализируется модернизация эпохи Нового времени, то очевидно, что имеется в виду трансформация докапиталистической формации в капиталистическую. Формация, впрочем, рассматривается не как абстрактная категория, а как конкретная, применительно к тому или иному обществу. Из двух известных типов перехода – реформы и революции, а также смешанных форм с революционными и реформистскими чертами – авторы выбирают *реформу* для выявления ее общих типологических свойств. Большое значение они придают двум моментам – кризису системы и воздействию внешнего примера: «Общество решает объективно возникшую задачу модернизации: выхода из системного кризиса путем своего осовременивания, приспособления к изменившимся внутренним и внешним условиям жизни, имея... в качестве образца для подражания пример более развитого (на новых основах) и сильного общества» (с. 155).

Из двух факторов, на которые делается упор – кризис системы и внешний демонстрационный эффект, – большего внимания за-

служивает, по нашему мнению, первый. Интересно отмеченное авторами положение, что кризис системы может быть как реальным, так и воображаемым, но только он вызывает настоящие перемены (с. 156).

Между тем не всякий кризис системы приводит к переменам. Общество может продолжать двигаться по старому пути, что заводит его в тупик. Новый путь, модернизация, приводит к обновлению общества как общественно-производственного организма. При этом оно до некоторых пор «развивается органично и естественно по своим законам, переживая разного рода кризисные состояния в сферах экономики, политики, культуры. И там, где эти кризисы не затрагивают системообразующих основ, их можно разрешать частичными преобразованиями, «реформами внутри системы» (с. 159).

Используя понятие «реформы внутри системы», авторы вводят парный термин – «реформа системы», которая только и может устранить ее кризис. Именно такая реформа системы есть комплексный процесс переустройства общества на новых началах. При этом страны Востока, следуя примеру Запада, совершают качественный скачок без насильственного изменения политической культуры общества, «без разрыва с Традицией» (с. 162). Реформа системы – это фактически «революция сверху», осуществляемая властью, правящей и господствующей элитой, для модернизации экономики, военного дела и других сторон общественно-производственной жизни. В XIX веке ее для модернизации использовали Германия, Россия, Япония и другие государства «второго эшелона» капиталистического развития. Не порывая, таким образом, с накопленным в нашей научной литературе багажом, ибо понятия первого, второго, третьего эшелона буржуазного развития использовались у нас еще в работах 1970–1980-х годов, авторы обращают внимание на длительность реформ и выделяют сходные характеристики и этапы (см. с. 167–171 и Приложение 2).

Изучение успешных реформ, проведенных в разных странах и в разное время, позволило выявить пять их организационных особенностей: длительность (не менее 20 лет); наличие стадий, соответствующих достижению отдельных целей; необходимость лидера (формального или неформального) и ядра единомышленников; сопротивление части общества, которая затем может оказаться в выигрыше; авторитарная власть, но лучше без ее узурпации (с. 171–172). В ходе сравнения выявляются неизменные элементы

модернизации – схема, механизм, основные факторы. Среди них нужно отметить критерий успеха модернизации. Им является не только выход общества и государства из кризиса и достижение устойчивого характера развития, но и главное – достижение страной стадии наиболее развитых государств и обретение «достойного положения» в мировой системе (с. 173). Хотя последний критерий применим, пожалуй, не ко всем странам, бесспорным кажется тезис о том, что в условиях нынешней глобализации реформы вряд ли можно проводить на национальном уровне, без прямого или косвенного существенного влияния мирового сообщества (Там же).

Заключительные разделы являются в какой-то степени попыткой синтеза цивилизационного и формационного подходов. В монографии отмечается, что качественно новыми факторами в нынешней, постсовременной модернизации становятся глобализация как формирование единого финансово-экономико-политико-культурного пространства и возрастающая роль культуры в общественной жизни мира. Два этих фактора, отчасти согласуясь между собой, вступают и в известное противоречие. Глобализация базируется на идеологии прогресса, отрицания того, что было «вчера», а культура включает это «вчера» в виде традиции, в форме верности своей культуре, религии, истории.

Возможно, именно сохранение приверженности различным цивилизационным традициям и станет системообразующим элементом в процессе складывания новой постсовременной мировой формации (с. 201–202). Пессимистически оценивая перспективы либеральной системы ценностей, господствующей на Западе, авторы постулируют, что в будущем следует ожидать либо его крах в случае верности такой системе, либо возвращение к исходным цивилизационным (читай – религиозным) ценностям (с. 203).

Та же тональность, не слишком, впрочем, для нас убедительная, прослеживается и в отношении Востока. Авторы отмечают, что ему легче сохранить верность культурно-религиозной традиции и это позволяет сопротивляться тотальному наступлению универсальной массовой культуры. Определенный выход из положения видится в распространении регионализации «мир-системы», которая уже проявилась в сферах экономики и политики, на область культуры и духовной жизни (с. 204).

Наиболее интересными из заключений о будущем новой системы XXI века представляются следующие предположения: «Вероятно, что в глобализованном мире процесс модернизации прой-

дет в ряде случаев поверх национально-государственных границ, втягивая в свой поток лишь часть общественно-производственного организма, а часть сохранит прежнее, до-современное качество. Результатом такого процесса в национально-государственных границах станет не синтез Современности и Традиции, а их симбиоз (или отторжение)» (с. 207–208). Опасности такого рода развития, обнаруживающиеся и в применении к миру в целом, связаны с попыткой использовать универсальную модель нового строя (новой формации) вместо активизации процесса диалога и сотрудничества цивилизаций (с. 209).

Важными являются выводы о будущем России. Хотя среди прогнозных сценариев ее развития есть и весьма неблагоприятные (о них упоминалось выше), богатые природные ресурсы, топливные и сельскохозяйственные, могут стать существенным и устойчивым конкурентным преимуществом России в XXI столетии. Развитие ТЭК и экспортно ориентированного сельского хозяйства способны превратиться в две составляющие ее нового места в международном разделении труда на многие десятилетия (с. 217).

Заслуживает внимания высказанное авторами пожелание продолжить работу по прогнозированию. Они предполагают, что разработанная ими расчетная методика может быть применена широким кругом специалистов. Комплексное исследование будущего регионоведцами, в том числе, разумеется, востоковедами, может быть осуществлено, по их мнению, с использованием широкой гаммы подходов – от ситуационных анализов до углубленных исследований отдельных вопросов (с. 218).

Разделяя такое предложение, следует отметить, что это придает книге особое значение как работе, закладывающей основу для практически востребованных исследований регионально-прогнозного характера.

Не ставя перед собой задачу критической оценки различных положений, содержащихся в имеющей богатое содержание книге, хотелось бы высказать в заключение несколько общих соображений. Сценарный набор при рассмотрении перспектив различных цивилизаций и мирового развития в целом обедняет, как нам кажется, отсутствие глубоко кризисных и катастрофических вариантов. Нельзя утверждать, что их совсем нет, но фактор конфликтности и угроза войны, всемирного хаоса едва обозначены. Такой взгляд, впрочем, отличает не только данную работу по прогнозированию, но и другие, выполненные в последнее время у нас и за ру-

бежом. Для кризисно-пессимистических сценариев, скорее всего, не остается места в связи с исходными постулатами авторов об эволюции в условиях длительного мира, продолжающейся глобализации и наблюдаемой ныне и принципиально допускаемой возможности догоняющего развития отстающих цивилизаций.

Неслучайно геополитика тоже оставлена за рамками исследования. Но оставить за бортом политику, прогнозировать развитие в условиях его нерегулируемости – достаточно сильный ограничитель. Вместе с тем при обсуждении реформ как инструмента модернизации политика входит в анализ через акцент на значение власти, лидера, правящей элиты как необходимых условий успешных реформ догоняющего типа. Вероятно, в данном случае имеет место неполное совпадение подходов соавторов, что проявляется также и в трактовке перспектив западной цивилизации. Так или иначе, но несколько больший учет политического фактора будет, наверное, необходим при дальнейшей работе над сценариями мирового и цивилизационного развития.

К власти и правящим элитам в качестве еще одного агента реформы и развития надо бы, видимо, добавить гражданское общество, активность граждан и создаваемых ими добровольных ассоциаций. Именно гражданское общество, в отличие от общества в целом, понимаемого как общественно-производственный организм, подчас лучше воспринимает извне и продуцирует «из себя» импульсы для перемен и оказывает давление на власть, с тем чтобы реализовать их.